

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, Л. Е. Горелова, И. В. Оленева

ПРЕДЫСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ "ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ О МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА". Сообщение 2

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

Организация Временного медицинского комитета

Из ответного письма министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову от 30 ноября 1840 г. со всей очевидностью следовало, что поставленные московскими профессорами вопросы оказались для министра, мягко говоря, неожиданными. Напомним, что в июле, опираясь на указы Николая I от 27 и 29 апреля 1840 г., преследовавшие цель "сосредоточить... преподавание врачебных наук и управление высшими учебными заведениями по сей части в одном ведомстве...", С. С. Уваров принял решение объединить Московскую медико-хирургическую академию и медицинский факультет Московского университета на базе последнего и обязал С. Г. Строганова и профессоров обоих учебных заведений разработать подробный проект организации нового центра подготовки врачей "для северной части Империи"¹. Судя по развернувшейся вслед за этим переписке между Москвой и Петербургом, С. С. Уваров рассматривал проблему слияния академии с университетом как сугубо организационную. В связи с этим не удивительно, что заявление С. Г. Строганова, сделанное им в докладной записке от 25 ноября 1840 г., о том, что московские профессора не видят возможности наладить эффективную работу центра в условиях существования действующих учебных программ медицинского факультета Московского университета и готовы представить на рассмотрение Министерства проект предложений по их пересмотру, застало С. С. Уварова врасплох. Министр был явно не готов ни к обсуждению, ни тем более к решению подобных проблем, требовавших специальных медицинских знаний.

В возникшей ситуации проще и безопаснее было запретить С. Г. Строганову и подчиненным ему профессорам заниматься вопросами, выходящими за рамки данных им конкретных поручений по созданию московского центра. К тому же для запрета имелось и чрезвычайно "удобное" объяснение — прошло всего 5 лет со времени принятия нового высочайше утвержденного университетского устава. Но С. С. Уваров не дрогнул, не стал уклоняться от решения, казалось бы, совершенно ненужных ему и очень непростых проблем. Мы, по-видимому, уже никогда не узнаем, почему тогда, осенью 1840 г., он не сказал С. Г. Строганову "нет". Возможно, это стало следствием того огромного доверия, которое испытывал министр к своему бывшему коллеге по работе в Комитете устройства учебных заведений — С. Г. Строганову² и к тем профессорам, на мнение которых он опирался. Напомним, что С. С. Уваров был лично хорошо знаком и с Ф. И. Иноземцевым, которого в 1839 г. предпочел всем другим, в том числе и петербургским, профессорам, когда решал вопрос о кандидате для поездки за рубеж с целью ознакомления с постановкой там клинического преподавания³, и с А. И. Овером, которого двумя годами позже лично, вопреки мнению Совета Московского университета, назначит профессором терапевтической клиники⁴. Возможно, определенную роль в выборе

С. С. Уваровым окончательной позиции сыграло свойственное ему стремление к созидательной работе. Так или иначе, но в уже упоминавшемся ответном письме от 30 ноября 1840 г. он предписал С. Г. Строганову без промедления приступать к составлению необходимого пакета документов по пересмотру учебного плана и программ медицинского факультета Московского университета⁵.

Важность принятого С. С. Уваровым решения и его значение в истории отечественной медицины и медицинского образования трудно переоценить. Данное им согласие стало первым шагом на пути перерастания начавшейся в 1840 г. реформы управления медицинскими учебными заведениями в знаменитую реформу высшего медицинского образования в России 40—60-х годов XIX века. Правда, как свидетельствует анализ обнаруженных нами архивных документов, в ноябре 1840 г. сам С. С. Уваров об этом, по-видимому, даже не догадывался. Это позднее (в 1845 г.) он будет преподносить события осени—зимы 1840—1841 гг. как результат его собственного заранее продуманного плана⁶, а тогда, в ноябре 1840 г., очевидной для С. С. Уварова была лишь необходимость каким-то образом обеспечить экспертизу ожидавшихся в скором времени из Москвы предложений.

По опыту недавно завершившейся работы над составлением университетского устава 1835 г. подобные вопросы решались путем привлечения независимых экспертов-профессионалов с последующим рассмотрением и обсуждением полученных мнений в состоявшем при Министерстве народного просвещения Комитете устройства учебных заведений (КУУЗ)⁷. И хотя КУУЗ отлично зарекомендовал себя в ходе реформы просвещения 1828—1835 гг., С. С. Уваров не стал прибегать к помощи этого в высшей степени авторитетного, но, во-первых, довольно инертного, а во-вторых, плохо управляемого экспертного совета. В письме С. Г. Строганову от 30 ноября 1840 г. он сообщил, что собирается сформировать под своим непосредственным подчинением небольшую группу советников, которая бы специально занималась проблемой экспертизы поступающих из Москвы документов. "По получении от Вас... проекта, — говорилось, в частности, в письме, — я войду в ближайшее рассмотрение мер, какие в нем будут предложены, и чтобы несомненно удостовериться, будут ли оные соответствовать предложенной цели, приглашу для совещания медиков, известных ученостью и сведениями по этой части, а затем не оставлю дать сему делу надлежащий ход"⁸.

Однако по мере дальнейшего продумывания возникшей проблемы С. С. Уваров, по-видимому, пришел к убеждению, что группы доверенных специалистов в области медицинского образования может оказаться недостаточно. К 40-м годам XIX века медицинский факультет Московского университета имел уже настолько большой престиж в медицинских кругах России, что у С. С. Уварова возникли вполне обоснованные опасения в том, что в случае возможных расхождений во мнениях у его экспертов может попросту не хватить авторитета для отстаивания своей позиции.

Выход из положения С. С. Уваров нашел в придании формируемой им "группе советников" статуса особого Временного медицинского комитета, созданного при Министерстве народного просвещения по воле монарха, и назначении на пост его руководителя человека, который был бы не только специалистом в области высшего медицинского образования и хорошим

¹Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 4. — С. 51—52.

²Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998. — С. 214—215.

³Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. I. — М., 1855. — С. 357.

⁴ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 2. — Д. 473. — Л. 12—13.

⁵РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 63 об.

⁶Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 545—547.

⁷Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Цит. соч. — С. 260—269.

⁸РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 63 об.

организатором, но и врачом, пользовавшимся одинаково большим авторитетом как в Петербурге, так и в Москве. Заметим, что поиск такого человека, учитывая, мягко говоря, непростые взаимоотношения между московской и петербургской врачебной элитой, был делом не из легких, и надо отдать должное С. С. Уварову, сделавшему удивительно точный выбор. Пост председателя Комитета он предложил своему предшественнику в должности президента Академии наук, действующему президенту физико-медицинского общества, потомственному московскому дворянину, доктору медицины и хирургии, лейб-медик М. А. Маркусу⁹.

М. А. Маркус идеально подходил для решения задач Временного медицинского комитета, но в глазах С. С. Уварова все же имел один серьезный недостаток — он был слишком независимым и поэтому, докладывая Николаю в конце декабря 1840 г. свою идею об организации особого комитета под председательством М. А. Маркуса, С. С. Уваров одновременно предложил утвердить на пост докладчика "чиновника по особым поручениям Министерства народного просвещения", доктора медицины И. Т. Спасского, работавшего бок о бок с С. С. Уваровым не один год и успевшего заслужить полное и безоговорочное доверие министра.

Николай всецело поддержал все инициативы министра народного просвещения, и уже 3 января 1841 г. С. С. Уваров написал М. А. Маркусу немедленно заняться подбором достойных кандидатов на вакантные должности членов Комитета¹⁰. Избранный М. А. Маркусом подход к формированию своей команды в целом очень напоминал уваровский. Он также нуждался в широкообразованных опытных специалистах в области университетского медицинского образования, и ему также было необходимо создать систему внутренних противовесов. В качестве знатоков проблем медицинского образования и генераторов идей М. А. Маркус пригласил профессоров Петербургской медико-хирургической академии интерниста К. К. Зейдлица и хирурга Н. И. Пирогова, антизойой которым должен был служить многоопытный политик от медицины лейб-медик Е. И. Раух¹¹. С. С. Уваров этот замысел пришелся по душе, и уже 7 января 1841 г. он уведомил М. А. Маркуса об утверждении Министерством первого персонального состава Временного медицинского комитета¹².

Создание особого высочайше утвержденного Комитета и привлечение к его работе таких выдающихся организаторов и врачей, как М. А. Маркус, К. К. Зейдлиц и Н. И. Пирогов, стало вторым важным шагом С. С. Уварова на пути к реформе всей системы высшего медицинского образования в России. Как уже было отмечено, дав согласие на подготовку С. Г. Строгановым развернутого проекта преобразований в организации и содержании учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, С. С. Уваров еще не представлял себе всех последствий принятого им решения. Не представлял себе С. С. Уваров и всех последствий создания Временного медицинского комитета, о чем со всей очевидностью свидетельствует развернувшаяся в январе 1841 г. переписка между министром и председателем Комитета. И С. С. Уваров, и М. А. Маркус неоднократно называли Комитет "совещательным органом", "назначенным по Высочайшей воле" только лишь для решения отдельных вопросов, "возникающих при предполагаемом преобразовании учебной медицинской части в заведении, подчиненных Министерству, и для соображения мер, могущих быть принятыми по этому предмету"¹³. Свое истинное лицо — государственной инстанции "по преобразованию системы преподавания медицины и управления медицинской частью", как об этом будут писать отечественные историки высшего образования, Временный медицинский комитет приобрел позднее, лишь спустя несколько месяцев — весной 1841 г. Инициатором этой метаморфозы выступил М. А. Маркус, обратившийся 12 февраля 1841 г. к своим новым коллегам с пространным и во многом совершенно неожиданным меморандумом.

Меморандум начинался здравившей в адрес С. С. Уварова и его идеи об организации при Министерстве народного просвещения специального экспертного совета по проблемам медицинского образования. Вслед за этим М. А. Маркус с присущей ему дипломатичностью заметил, что полагает небезопасным вмешиваться в сложившиеся в рамках действующего университетского устава учебные планы и программы подготовки врачей,

если предметом пересмотра будут служить лишь "некоторые отдельные вопросы"¹⁴. Такой путь, по его мнению, был чреват "вовлечением" Комитета "в случайности частного дела, в односторонние суждения"¹⁵. Во избежание этих возможных негативных последствий М. А. Маркус предложил построить работу таким образом, чтобы прежде рассмотрения и обсуждения частных проблем Комитет предварительно выработал "ясное понятие о правильном устройстве медицинского учения вообще и о началах, на которых предполагаемое преобразование учебной медицинской части должно быть основано"¹⁶. "Чтобы действовать с всестороннею предусмотрительностью, — говорилось далее в документе, — Комитету необходимо иметь в виду план медицинского учения, который бы содержал:

I) Начертание существенного объема медицинского учения и всех частей его, расположенных в стройной соразмерности между собой и связанных единством науки в одно как бы органическое целое.

II) Правила преподавания, которые бы вполне соответствовали прямому назначению медицины, в двояком ее проявлении науки и искусства исследовать силы природы и уметь ими владеть для охранения физического благосостояния народа и частных лиц...

III) Правила испытания. а) Для приема студентов... б) Для получения ученых медицинских степеней..."¹⁷.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что мы совершенно необоснованно назвали меморандум М. А. Маркуса неожиданным и привели здесь столь обширную выдержку из рядового документа: председатель Комитета обратился к коллегам с предложением обсудить и согласовать наиболее эффективный и целесообразный порядок работы вверенного ему подразделения. Однако, если вдуматься в смысл выстроенной М. А. Маркусом логической конструкции, то становится очевидным, что меморандум и высказанная в нем идея составления нового общего "плана медицинского учения" были ни чем иным, как завуалированным призывом к проведению полномасштабной реформы всей системы высшего медицинского образования в России.

Причина, заставившая М. А. Маркуса прибегнуть к помощи дипломатических уловок, скорее всего заключалась в стремлении уберечь себя от обвинений в непомерном тщеславии — уж слишком очевидной была его личная заинтересованность как председателя Комитета, автоматически превращавшегося в главный идеологический и организационный центр проведения реформы. Одновременно предпринятый М. А. Маркусом ход сохранял и для С. С. Уварова дополнительные степени свободы. Если министр не захочет увидеть в предложениях Временного медицинского комитета полномасштабной реформы высшего медицинского образования в России, то ему не придется объяснять причины своего несогласия, а если захочет, то авторство идеи сможет смело приписать себе, поскольку в меморандуме она прямо не высказывалась.

Единственное, что позволил себе М. А. Маркус в плане искусственного привлечения внимания С. С. Уварова к проблеме составления нового "плана медицинского учения", это разговор о необходимости того, чтобы план имел ярко выраженный оригинальный национальный характер. "Что касается до правильного устройства медицинского учения вообще, — писал, в частности, М. А. Маркус, — то хотя и казалось бы, что по сличению лучших образцов, заимствованных у просвещеннейших наций, можно бы легко по ним начертать план, во всех отношениях удовлетворительный, но на деле оказалось бы противное, потому что дух, каждому народу свойственный, изменяет ход его образования. — Вот почему при таком предначертании, хотя и можно пользоваться примером и опытностью других стран, всегда однако ж должно руководствоваться направлением отечественной образованности, почерпая основные идеи устройства учебной части прямо в самой науке"¹⁸. С. С. Уваров, активно проводивший в жизнь идею создания национальной системы народного просвещения, не мог пройти мимо такого аргумента в пользу проведения реформы. М. А. Маркус это знал и беззастенчиво спекулировал на этом. Именно спекулировал, поскольку сам, по-видимому, не верил в возможность реализации своего проекта. Во всяком случае, как покажут дальнейшие события, он не сделал ничего, чтобы помешать Н. И. Пирогову и К. К. Зейдлицу разработать "план медицинского учения", прямо противоречивший идее создания национальной медицинской

⁹Русский архив. — 1867. — № 5—6. — С. 167.

¹⁰РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 692. — Л. 1—1об.

¹¹Там же. — Л. 2—2об.

¹²Там же. — Л. 3.

¹³См., например: РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 701. — Л. 1, 1 об. 2; РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 692. — Л. 1об.

¹⁴РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 701. — Л. 1—2.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же. — Л. 3—3 об.

¹⁸Там же. — Л. 3.

школы. Однако об этом речь впереди, а пока отметим лишь, что меморандум М. А. Маркуса попал, что называется, в яблочко. И члены Временного медицинского комитета, и С. С. Уваров горячо поддержали идею развертывания полномасштабной реформы высшего медицинского образования. С. С. Уварову настолько понравилась эта идея, что, получив 6 марта 1841 г. согласованное мнение Комитета по проблеме реформирования медицинского образования, он буквально на следующий день бросился докладывать этот вопрос Императору. Николай в свою

очередь при всей его нелюбви к реформам возражать не стал, и уже 13 марта 1841 г. последовал его указ "О пересмотре постановлений по медицинской части"¹⁹, положивший начало проведению знаменитой реформы высшего медицинского образования в России 40—60-х годов XIX века.

Поступила 29.02.00

¹⁹Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1876. — Т. II. — Ч. I. — Стб. 226—227.